

обликов святых у Андрея Рублева (например, уже упоминавшегося его Спаса). В неправильном, «готическом» лице князя Глеба на всеьгонской иконе применен тот же прием умышленного смещения косящих глаз с разомкнутым у слезницы контуром, который характерен для вещего взора Сергия Радонежского на его покрове начала XV в.⁴⁵ Мрачное лицо стоящего рядом Бориса своими чертами напоминает грозный лик этого князя на иконе рубежа XIII—XIV вв. в Русском музее в Ленинграде.

Но в поисках истоков творчества Дионисия особый интерес представляет встречающаяся и в его живописи отличительная особенность всеьгонского памятника — удлинённые пропорции фигур. По-видимому, эта особенность не является, как принято думать, присущей лишь стилю эпохи Дионисия чертой. Такие пропорции встречаются уже в раннем XIII в. в новгородских⁴⁶ и псковских⁴⁷ иконах и на миниатюрах рукописей из Ростова Великого.⁴⁸ Необычайно вытянутыми формами фигур отмечены также персонажи праздников, написанных в 1336 г. золотом по черному фону на Васильевских вратах Александровой слободы.⁴⁹

Удлинённые пропорции сохраняются как умышленная, быть может, сакрального характера архаизация и в живописи XV в. Высокими, с маленькими головами изображены воскресший Лазарь и Иоанн Богослов с Пророком на четырехчастной новгородской иконе начала XV в.⁵⁰ В середине XV в., когда была написана всеьгонская икона, удлинённые пропорции встречаются и в новгородском лицевом шитье,⁵¹ и на новгородских иконах.⁵² Иконы с необычайно длинными фигурами характерны также для этого времени и в ростово-суздальской живописи.⁵³

На относящемся к этой школе произведении, соименном всеьгонскому памятнику, князья-мученики представлены также преувеличенно высокими и облаченными в узорчатые охабни (рис. 5). Однако композиция этой ростово-суздальской иконы не включает в себе обособляющих иконографических признаков. Борис и Глеб стоят вполупорот друг к другу. В их правых руках кресты, в опущенных левых — мечи. Одежды написаны жидкими красными и голубыми красками.

Сочетаясь с белым, обрамленным лимонно-желтыми полями фоном, эти краски придают колориту радостный полноцветный характер, присущий произведениям живописи Ростова Великого в XV в. Ему отвечает плотное красноватое вохрение с движками — мазками, наложенное на оливковый санкирь.⁵⁴

⁴⁵ См.: J. A. Lebedewa. Andrei Rubljow und seine Zeitgenossen. Dresden, 1962, Abb. 81.

⁴⁶ См., например, Успение из Десятинного монастыря (Гос. Третьяковская галерея, Каталог..., т. 1, № 11).

⁴⁷ Успение из Пароменской церкви (Гос. Третьяковская галерея, Каталог..., т. 1, № 141).

⁴⁸ См., например, изображение увенчиваемых Христом апостолов Петра и Павла на миниатюре л. 1 об. «Апостола» 1220 г., принадлежавшего ростовскому епископу Кириллу (теперь ГИМ, Синод. 7).

⁴⁹ В. Н. Лазарев. Васильевские врата 1336 г. — Советская археология, 1953, т. XVIII, рис. 12—14, 17—19 и 21.

⁵⁰ Гос. Русский музей; см. о ней: В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода, табл. 95 и 96.

⁵¹ Пучежская плащаница 1441 г. в Оружейной палате Московского Кремля. См. о ней: В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода, табл. 133, стр. 130; А. Н. Свири и. Древнерусское шитье, стр. 29—32.

⁵² Молящиеся новгородцы, икона 1467 г. в Новгородском музее. См.: В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода, табл. 110, стр. 119.

⁵³ Архангел Михаил, середины XV в. Музей Ростова Великого. См. эту икону в кн.: Художественное достояние России. М., 1919, вып. 1, табл. 3; В. Н. Иванов. Ростов Великий. Углич. М., 1964, рис. 4 (отнесен к XIV в.).

⁵⁴ Гос. Третьяковская галерея, Каталог..., т. 1, № 180.